

Жить хорошо

Сун Тинчжу сказал:

— Сяомэй, расскажи мне подробнее о семье дедушки.

— Хорошо.

Лю Сяомэй сложила листы с рисунками, убрала их в свой маленький матерчатый мешочек и только потом начала рассказывать о родне по материнской линии.

Дедушку звали Жуань Чанхэ, бабушку — Ли Чуньхуа. У них была одна дочь и двое сыновей. Её мать, Жуань Сюлянь, была старшей.

Старший дядя, Жуань Даню, имел двух сыновей — старшего двоюродного брата Жуань Юцзиня и второго двоюродного брата Жуань Юиня. Оба уже были женаты и имели детей.

Второй дядя, Жуань Эрню, имел сына и младшего гэра. Младший двоюродный брат с рождения отличался умом, поэтому его отдали учиться уже в четыре или пять лет. В десять он сдал экзамен тунши и стал самым молодым учеником в Ляньси за последнее десятилетие. Тогда это вызвало большой шум.

Узнав о членах семьи Жуань, Сун Тинчжу спросил:

— Ты знаешь, почему отношения между семьями стали такими натянутыми?

Лю Сяомэй подперла подбородок рукой и вздохнула.

— Разве не из-за западного двора? Дедушка с бабушкой никогда не любили нравы нашей бабки и семьи второго дяди. Ещё до раздела семьи они редко приходили. После раздела мы думали, что станет лучше, но стало только хуже. В первые два года, когда отец с матерью водили меня к дедушке с бабушкой, второй дядя даже дверь не открывал и просто прогонял нас.

— А потом?

— Потом родители больше не ездили в деревню Сяхэ, и я уже много лет не видела дедушку с бабушкой, — девочка снова вздохнула. — Я очень скучаю по дедушке, бабушке и дядям.

— А твоя мать никогда не пыталась узнать, почему дедушка с бабушкой не хотят вас видеть? — нахмурился Сун Тинчжу.

Лю Сяомэй уныло ответила:

— Хотела, но случая так и не нашлось. К тому же дома всё было так тяжело, что ей было стыдно идти. Она боялась, что люди станут сплетничать и говорить гадости за спиной. В деревне любят чесать языками. Мы с мамой только один раз туда ходили, а как вернулись, сразу услышали, будто мама пошла выпрашивать выгоду у родни. После этого она больше не ездила в Сяхэ.

Девочка не удержалась и встревоженно спросила:

— А завтра маму не будут ругать за то, что она пойдёт занимать зерно в Сяхэ?

— Не волнуйся, не будут, — успокоил её Сун Тинчжу.

Он чувствовал, что между двумя семьями наверняка произошло какое-то недоразумение. Если всё прояснить, они вполне могли бы помириться. Но как именно это сделать — требовало осторожного плана.

Когда солнце стало клониться к закату, трое мужчин семьи Лю один за другим вернулись домой.

Семья молча поужинала в главной комнате, после чего все разошлись отдыхать по своим комнатам.

В западной комнате

— Жена, вот деньги, что я сегодня заработал, — Лю Ху, как обычно, достал из кармана сорок медных монет и протянул их Сун Тинчжу.

Сун Тинчжу взял деньги, убрал их, затем потянул мужчину за огрубевшую руку и прислонился к его широкой груди.

Лю Ху мгновенно застыл. Его руки легли на колени, спина выпрямилась, будто он и дышать боялся.

— Завтра мать пойдёт к дедушке занимать зерно. Я хочу пойти с ней.

Лю Ху, даже не задумавшись, нахмурил густые брови и отказал:

— Не согласен.

Сун Тинчжу поглаживал мозоль на большом пальце мужчины и мягко сказал:

— Я слышал от Сямэй, что деревня Сяэхэ недалеко отсюда. Даже медленным шагом туда идти всего полчаса.

Видя, что муж всё ещё не соглашается, он смягчил голос ещё больше:

— Я знаю, ты беспокоишься обо мне. Но в последнее время мне стало намного лучше. Сегодня я даже ходил с Сямэй в горы собирать дикие овощи. Хоть и устал, но чувствовал себя легче. К тому же доктор Чжоу ведь говорил: если больше двигаться, поправлюсь быстрее.

Лю Ху некоторое время молчал. Сун Тинчжу уже колебался и собирался пустить в ход последний довод, когда сверху раздался низкий, сильный голос:

— Я тоже пойду.

— А как же работа? — спросил Сун Тинчжу.

— Да. Я попрошу Тянь-цзы передать хозяину, что выйду снова послезавтра.

Лю Ху сжал тонкое запястье мужа, ещё сильнее сведя брови.

— Мне беспокойно отпускать тебя одного.

Сун Тинчжу улыбнулся:

— Там ведь будет и мать.

— Мать слаба, она ведь не сможет нести тебя на руках.

Мужчина всё так же осторожно поглаживал его запястье. Шершавая кожа пальцев касалась тонкой кожи, вызывая щекочущее чувство и какие-то неясные переживания, от которых Сун Тинчжу плотно сжал губы, а кончики ушей залились румянцем.

Он поспешно отдёрнул руку и сделал вид, будто поправляет постель.

— Неужели ты собираешься нести меня туда всю дорогу? Если люди увидят, будут смеяться над тобой, скажут, что ты подкаблучник.

На простодушном лице Лю Ху читалась полнейшая искренность.

— Пусть смеются. Ты моя жена, и мне всё равно, что думают другие. Меня волнует только то, что думаешь ты.

Услышав это, Сун Тинчжу почувствовал тепло в груди. Покраснев, он отвернулся, а затем снова вложил руку в ладонь мужчины.

— Я знаю, что ты делаешь это ради меня. Но не нужно нести меня всю дорогу. Если устану, сам скажу.

Брови Лю Ху разгладились, на лице появилась глуповато-счастливая улыбка.

— Жена, значит, ты согласен взять меня с собой?

Сун Тинчжу с улыбкой кивнул, глядя на эту простую радостную улыбку, и медленно произнёс:

— Муж, хочешь, я научу тебя торговать и зарабатывать деньги?

Лю Ху удивился:

— Жена, ты умеешь вести дела?

Конечно, нет.

Сун Тинчжу кашлянул и отвёл взгляд.

— Семья Сун занималась винной торговлей, у них было много лавок в префектурном городе. С детства слуги семьи следили за мной, и к делам меня не подпускали, но совсем уж ничего я не понимаю.

Сегодня они провели на ногах дольше обычного. Днём усталость не чувствовалась, но после того как он распарил ноги, в них внезапно появилась ломота. Он сжал кулаки и несколько раз постучал ими по икрам.

Мужчина заметил это, поднял его ноги себе на колени и стал разминать их уверенными руками, ровно с той силой, как нужно.

— Жена, ты хочешь варить вино на продажу?

— Мм...

Он хотел ответить как обычно, но ловкие руки Лю Ху доставляли такое удовольствие, что голос

сам собой смягчился.

Сун Тинчжу вцепился в простыню, лицо его вспыхнуло.

Боясь, что муж начнёт расспрашивать дальше, он поспешно заговорил:

— В семье моего деда варили вино. Матушка умела делать его так, как мало кто во всём Сюньянском округе. Любовь к виноделию я унаследовал от деда и матери. Но я был слаб здоровьем, а они ушли слишком рано... случая научиться так и не представилось. Помню, в три года я хвастался перед дедом и матерью, что, когда вырасту, открою семейную винную лавку в столице. Эта мысль долго была похоронена в сердце, но теперь я хочу воплотить её.

Он поднял глаза на сидевшего перед ним мужчину и тихо спросил:

— Муж, ты pomoжешь мне?

Лю Ху кивнул с серьёзным, даже торжественным видом.

— Что бы ты ни захотел сделать, жена, я буду тебя поддерживать.

На губах Сун Тинчжу появилась лёгкая улыбка. Он убрал ноги и прислонился к плечу мужа.

Почему-то рядом с Лю Ху ему всегда становилось необъяснимо спокойно.

— Способ приготовления закваски для вина никому не передают. За эти дни я переписал из книг много обрывочных рецептов. Только попробовав, можно узнать, правда это или нет.

Мужчина снова взял его за запястье. Терпя щекочущее прикосновение, Сун Тинчжу продолжил:

— Варить вино дорого, и спешить нельзя. Сейчас главное — найти способ заработать больше денег и пережить нынешние трудности.

Лю Ху молча слушал.

— Я переписал из книг названия нескольких лекарственных трав, которые можно выгодно продать. Завтра попрошу Сяомэй поискать их в горах. Если найдёт — хорошо. Не найдёт — ничего страшного, просто заработаем меньше.

Лю Ху сказал:

— У меня будет немного свободного времени. Поставлю в задних горах ловушки. Даже если не поймаю крупную дичь, дикие куры или зайцы тоже пригодятся.

— Хорошо. И ещё одно. Завтра утром надо напомнить Сяомэй: собирать травы — не то же самое, что дикие овощи. Нужно осторожно выкапывать, не повреждая корни, иначе это повлияет на...

Голос Сун Тинчжу становился всё тише. Не договорив, он уснул.

Лю Ху осторожно переложил его к стене, задул масляную лампу и тоже лёг.

В ту ночь Сун Тинчжу приснилась мать, которую он давно не видел. И на этот раз он наконец смог услышать её слова.

— Мой маленький Чжу вырос. Теперь у тебя есть муж и семья, и я могу быть спокойна. Я так долго оставалась рядом с тобой, но теперь мне пора найти твоего дедушку и бабушку и сказать им, что маленький Чжу нашёл мужа, который любит его, и семью, которая о нём заботится.

— Матушка, пожалуйста, скажи дедушке и бабушке, что Тинчжу живёт хорошо и им не о чем тревожиться. И ещё скажи, что Тинчжу непременно откроет винную лавку в столице и исполнит обещание, данное тогда.

— Хорошо. Матушка верит в тебя.

Во сне Сун Тинчжу смотрел, как фигура матери постепенно растворяется, и улыбался сквозь слёзы.

Матушка, дедушка, бабушка... будьте спокойны. Тинчжу больше не будет думать о смерти. Тинчжу хочет жить хорошо — лучше всех.

<http://bllate.org/book/17218/1618249>